

УДК 340.12

Правовое сознание: понятие, структура, феноменология

Гребеньков Геннадий Васильевич

Доктор философских наук, профессор, проректор,
Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР,
283054, Донецк, пр. Засядько, 13;
e-mail: nauka_davd@mail.ru

Попов Анатолий Анатольевич

Ректор,
Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР,
283054, Донецк, пр. Засядько, 13;
e-mail: nauka_davd@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются до сих пор остающиеся предметом острого дискурса проблемы сущности, природы, структуры, понимания и отражения в знаниевых конструкциях права феномена «правосознание», его методологическая и эвристическая роль в развитии современной теории правопонимания и правоприменения. Предлагается авторское толкование феномена «правосознание», «правовой рассудок», «правовой разум», «правовой менталитет» в контексте иных проблем – правовой психологии и правовой идеологии. Методологической посылкой наших собственных размышлений о правовом сознании будет, во-первых, многоуровневая концепция сознания П. Симонова, во-вторых, понимание нами правового сознания всего лишь как функции единого, целостного и нерасчлененного феномена психики, содержание которого терминологически обозначается как сознание правовых феноменов. Причем речь идет не о наличии некоего субстратного начала, порождающего и некий особый вид сознания, что, собственно говоря, и невозможно, а только об интенциональной характеристике (направленности) сознания на предмет, в нашем случае – право, и специфике отражения сознанием правового бытия в виде психических феноменов ценностной природы. Правовое сознание (правосознание) – это такая же абстракция и метафора, как «экономическое сознание» или, скажем, «новое политическое мышление».

Для цитирования в научных исследованиях

Гребеньков Г.В., Попов А.А. Правовое сознание: понятие, структура, феноменология // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 3А. С. 7-32.

Ключевые слова

Правовое сознание, правовой менталитет, правовой рассудок, правовой разум, методология правопонимания, феноменология правового сознания.

Введение

«Успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает их нравственное сочувствие и поддержку», – писал в конце XIX века выдающийся русский теоретик и философ права П.И. Новгородцев «Без этой поддержки, – продолжал он, – право превращается или в мертвую букву, лишенную жизненного значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли» [Новгородцев, 1995].

Уже из этого суждения выдающегося отечественного дореволюционного мыслителя становится очевидной первостепенная роль сознания (правосознания) в качестве констатации присутствия права в жизни социума и его отдельных индивидов (граждан). Если же экстраполировать это суждение к современным реалиям постсоветского пространства, то вполне можно согласиться с мнением В.М. Розина, полагающего, что кризис современной юриспруденции касается не столько организационных структур и юридических институтов, сколько форм их осмысления. «Именно система правовых идей, правовая наука, более того, формы правового сознания, – пишет А.М. Розин, – поддерживают и цементируют уже в значительной мере отжившие традиционные способы работы и мышления юристов» [Розин, 2000, 33].

Как мы видим, проблема идеи права и правового сознания выделяются автором, – наряду с иными, – в качестве предельно значимых в решении задачи преодоления косности мышления и деятельности юристов-практиков. Что же касается феномена правового сознания, то его осмысление и интерпретация всякий раз «упирается» в толкование самого феномена «сознание». «Сознание и по сей день остается некой парадоксальностью, к которой невозможно привыкнуть, тем, о чем мы не знаем», писал в недавнем прошлом известный советский философ сознания М.К. Мамардашвили [Мамардашвили, 1990, 85]. «Это нечто нам непосредственно присущее и в то же время загадочное. Оно нам кажется чем-то само собой разумеющимся и в то же время неуловимым и недостижимым. Мы непосредственно оперируем нашим сознанием... Тем не менее следует спросить о сущности сознания, и то, что было операционально доступно, превращается во что-то неопределенное и почти недоступное [Молчанов, 1998, 4].

Правовое сознание как предмет философии и теории права

Как известно, и в современной науке, а не только в философском и социо-гуманитарном знании нет единого понимания сущности сознания. Традиционно в нашей отечественной литературе доминирует и по сей день остается точка зрения, что сознание связано с высшей

функцией головного мозга и рассудочно-мыслительной деятельностью человека, хотя имеют место быть и иные подходы, скажем, связанные с работами С. Грофа, полагающего, что сознание не является продуктом мозга, но есть некий изначальный принцип существования человека [Гроф, 1991, 54-62].

Методологической посылкой наших собственных размышлений о правовом сознании будет, во-первых, многоуровневая концепция сознания П. Симонова, во-вторых, понимание нами правового сознания всего лишь как функции единого, целостного и нерасчлененного феномена психики, содержание которого, терминологически обозначается как сознание правовых феноменов. Причем речь идет не о наличии некоего субстратного начала, порождающего и некий особый вид сознания, что, собственно говоря, и невозможно, а только об интенциональной характеристике (направленности) сознания на предмет, в нашем случае – право, и специфике отражения сознанием правового бытия в виде психических феноменов ценностной природы.

Правовое сознание (правосознание) – это такая же абстракция и метафора, как «экономическое сознание» или, скажем, «новое политическое мышление». Полагаем, что специфика правового сознания определяется не механизмами и внутренними процессами осознания правового и его присвоением сознанием, а присутствием модальностей правового в структуре содержания личностных правовых экзистенциалов, таких как принуждение, подчинение, признание права и призвания к нему. Именно эти правовые феномены сознания энергетически и ценностно-экзистенциально усиливают/ослабляют, структурируют/деструктурируют, формообразуют/дестабилизируют личностную систему ценностей человека в отношении к праву, что проявляется в экзистенции (существовании) человека и его характере [Гребеньков, 2013, 330].

Напомним, что, согласно П. Симонову, психика человека представляет собой сложно-организованное, многоуровневое целостное образование, представленное как единство знаниевых психических конструкций индивида (собственно, сознание) и подсознание как сферы аккумуляции навыков, возникших в результате неосознаваемых и неотрефлексированных, многократно повторяемых человеком поведенческих актов, т.е. это сфера стереотипов мышлительности, непосредственно влияющих на поведение и присутствующих в психике подсознания в качестве архетипов – таких психических образований, которые суть «глубинные культурные установки (коды), характеризующиеся устойчивостью и неосознанностью» [Овчинников, Мамычев, Манастырский, 2009, 174]. Если же мы попытаемся соотнести подсознание с правовым контекстом, то тогда природа правового архетипа получает следующее определение: «Правовым архетипом служит сформированный под воздействием социокультурных, географических, климатических и иных условий общезначимый первичный правовой идеал, возведенный в первых поколениях (через этические нормы, культурный канон, ценности и стандарты) в статус стереотипа социально-правовой мышлительности, переходящий к последующим поколениям в качестве неосознанного прообраза

(праидеала) мыслительной и практической деятельности [там же, 174]. В основании психической деятельности сознания и подсознательного, по П. Симонову, лежит бессознательное – «сонмище» инстинктов и глубинных архетипов бессознательного (К.Г. Юнг).

Исходя из такого понимания феномена психического отражения индивидом реальности, мы получаем комплексную характеристику того «субстрата», который отражает право, осознавая в структурах сознания (правосознание) и отражая в структурах подсознания и бессознательного, т.е. тех психических структурах, которые получили в литературе определение «правового менталитета». Таким образом, психическое правовое «Я» личности выступает как единство правового сознания и правового менталитета. Поскольку в литературе представлены различные подходы и продолжаются дискуссии относительно природы, сути, структуры и содержания правосознания, а проблема правового менталитета еще вовсе находится в состоянии тотального широкого и открытого дискурса относительно практически всех аспектов этого феномена, мы выскажем свою точку зрения относительно сознания и менталитета.

Как известно, согласно Г. Гегелю, «сознание, собственно говоря, – это отношение «Я» к какому-нибудь предмету, безразлично внутреннему или внешнему». «Содержание наших знаний, – пишет философ, – составляет отчасти предметы, которые мы познаем посредством чувственных восприятий, отчасти же предметы, основой которых является сам дух. Первые составляют чувственный, вторые умопостигаемый мир. Правовые, нравственные и религиозные понятия относятся к последнему» [8, с. 79, 80].

В приведенных высказываниях Г. Гегеля заключена важная мысль, делающая ясным и простым определение как собственно сознания, так и правового сознания. Во-первых, это определение исходит как бы из той молчаливой предпосылки, что человек имеет в своем внутреннем мире некоторое психическое содержание до его осознания, т.е. то содержание, которое у И. Канта получило определение априорных форм психического, у П. Симонова – предсознания, а у иных авторов ментальных форм психики. И, во-вторых, правосознание, как и, собственно, сознание, есть некое вторичное и понятийно-рациональное (интеллигибельное – в устах Г. Гегеля) отображение наших знаний, предполагающее способность к абстрактному мышлению и символизации элементарных единиц мышления при помощи языка.

Таким образом, в соответствии с приведенным гегелевским определением сознания становится очевидными, что и правовое сознание как феномен психики предполагает два уровня интеллигибельно-понятийного отражения права: уровень осознания, который есть рассудок, и тот уровень осознания, который есть разум. Итак, применимо к правовому сознанию личности мы можем говорить о его двухуровневой организации: во-первых, как правового рассудка и, во-вторых, как правового разума. Разумеется, понятия условны и лишь отражают специфику «рассудочного» и «разумного» присутствия в сознании индивида правовой реальности, а также специфику и формы существования правовой картины мира (правовой онтологии) в структуре личностного «Я» как психической организации человека правового.

Как известно, рассудочная деятельность сознания связана с символизацией первичного опыта, получаемого в результате обобщения и интеграции на телесно-перцептивном уровне отражения психикой внешнего мира. В рассудке ощущения, и восприятия «соединяются» языком. Слово закрепляется за некоторым представлением, а само представление в своем языковом оформлении суть акт осознания предмета, за которым стоит объективно противостоящий индивидуальной психике объект. Происходит мыслительная операция абстрагирования, означения и символаобразования. В рассудке осуществляется аналитико-синтетическая операция мышления, и эта операция суть переживание как акт переработки и превращения информации в элемент сознания. Видимо, это и есть тот феномен, о котором говорил и писал Л. Петражицкий, называя его первичным актом постижения права, правовой эмоцией, правовым переживанием. Действительно, на рассудочном уровне сознания право переживается, поскольку, «поданое» на рассудочном уровне, оно предстает как знание, внешнее к «Я» индивида: как знание, не присвоенное в качестве своей личностной ценности/ценностей; как знание непосредственно соприкасающееся с ментальным нравственным опытом и моральными убеждениями человека.

Правовой рассудок устанавливает и организует первичные интеллектуальные связи «Я» с внешним миром права. Именно здесь возникают и существуют правовые иллюзии, правовые интуиции, первичные правовые смыслы. На уровне правового рассудка сознания право в качестве структур знания еще не отрефлексировано, они (структуры знания) приняты как внешняя данность для «Я», как некоторое личностное видение (переживание) правовой реальности, опирающееся не на всеобщие (рационально выверенные) формы реализации права, а принятые «здесь-и-сейчас» в качестве индивидуально-личностных правовых символов и правовых мифов.

Укажем, что именно на правовой рассудок, собственно говоря, сориентированы не только все политические программы, но и фундаментальные правовые документы – конституции, кодексы, уложения и т. п. Расхожее содержание правового рассудка, непосредственно имеющее отношение к фундаментальным аксиологическим функциям личности, – это наличие таких мифологем сознания, как, скажем, «свободное и справедливое общество», «народ, состоящий из автономных индивидов», «государство и иные политические и правовые институты, руководствующиеся идеями справедливости, демократии, равенства», наконец, наличие мифологемы «правовое государство». Эти мифологемы правового рассудка очень легко превращаются в правовые идеологемы, как только они становятся составной частью правовой идеологии, непосредственно оформляющей идейно и понятийно действующее инструментальное право. Ничего практически не имея общего с реальным правоприменением, идеологемы правового рассудка серьезнейшим образом влияют на инструментальное право, идеологически его оформляя через сознание правоприменителя и правоисполнителя.

На разумном уровне сознания, который, согласно тому же Г. Гегелю, есть единство знания о предмете и знания о себе, происходит соотнесение личностного «Я» в совокупности его витального и аксиологического «я» и объективного мира как ценностно-смысловой реальности. На разумном уровне происходит осмысление права как акт самосознания, т.е. превращение права как акт самосознания, т. е. превращение права как противостоящего индивидуальному «Я» феномена бытия в феномен личностного «Я», в структуру разума, в идею.

В основании права лежит Идея (идеи), что право есть в своем социокультурном измерении продукт разума, т. е. такой рациональный способ социокультурной регуляции бытия людей и вещей, людей между собой по поводу этих вещей как ценностей, который основан на принципах (идеях) справедливости, равенства, свободы. Иначе говоря, в праве, скажем, в отличие от нравственности и морали, существует изначальная настроенность на идейное формо-содержательное присутствие в бытии, а не эмоцию, переживание и т.п. Именно идея обеспечения стабильности, идея порядка как правопорядка, идея исключения «войны всех против всех», идея аккумуляции и накопления опыта разумных (ценностно-рациональных) решений избегания социальной энтропии, как правило, лежат в основании правовых теоретических систем.

Именно идеи выражают собой сущностное содержание права как продукта разумной, ценностно-рациональной деятельности людей; именно идеи представляют собой и элементы структуры правового разума личности. Напомним, что идея есть не просто любая мысль или представление. На основе анализа понятия идеи, проделанного Г. Гегелем в его «Науке логики», можно указать на следующие признаки того, что надлежит именовать идеей. Во-первых, идея – это некоторая объединяющая синтезирующая категория, которая соответствует смысложизненным целям; во-вторых, идея выражает единство некоторого понятийного содержания и практических принципов бытия; в-третьих, идеи – это не только и не столько объективные истины, сколько мировоззренческие «истины», как указание на тенденции жизни, как нечто «должное». Таким образом, правовой разум личности представляет собой идеальное по форме существования знание индивида о правовой реальности, а его правовое сознание на уровне разума – теоретический уровень проявленности правосознания. Личностные правовые аксиологические функции концептуализированы и отрефлексированы через акт самосознания. Правовой разум личности упорядочивает рассудочное сознание посредством насыщения его знаниями о праве, придавая им категориально-смысловую форму присутствия, а также структурирует и переструктурирует эти знания в соответствии с личностными потребностями, предпочтениями и индивидуальной системой личностных ценностей. Одновременно правовой разум, имея в своей структуре идеальное представление о «должном» как идеале, цели и ценности, выражает интенциональную характеристику правового сознания в целом.

Иначе говоря, в правовом разуме формируется и структурируется личностная «правовая онтология» как система личностных правовых экзистенциалов человека или,

что то же, личностных правовых аксиологических функций, с присущей ей структурой, иерархией, субъективной смысловой «начинкой» и индивидуальной интерпретацией их объективных значений.

В тех дефинициях правового сознания, которые мы приводили, очевидно выражена мысль о существовании правового феномена как общественного феномена; иначе говоря, правовое сознание рассматривается как некая объективная данность бытия. На это умозаключение нас наталкивают не только дефиниции правосознания, распространенные в советской литературе 60–80-х годов прошлого века, но и определения, имеющие место в современной литературе.

Так, скажем, А. Венгеров описывает правосознание как «объективно существующий набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение общества, групп индивидов к праву...», и как «канал воздействия права через мотивацию, эмоции, сознание на поведение людей, на формирование общественных отношений», и как «оценку права, существующую в обществе, выражающую критику действующего права и формирующую определенные надежды и пожелания к правовой сфере, ее изменениям, определяющую, что считать правомерным, а что неправомерным» [Венгеров, 2000, 482]. Однако идет ли здесь речь собственно об общественном правосознании как части правовой реальности или же это понятие не совсем адекватно выражает содержание того явления, которое мы им обозначаем? Ведь от постановки и решения этой теоретической проблемы зависит многое, в том числе и то, имеем ли мы в качестве реального феномена бытия так называемое «классовое правосознание», «групповое правосознание», «революционное правосознание», «капиталистическое и социалистическое правосознание», или это все те же мифологемы правового рассудка, о которых шла речь выше.

Безусловной точкой зрения в литературе также остается суждение о том, что «на уровне общества в целом правосознание может быть подразделено на правовую идеологию и правовую психологию» [Максимов, 2002, 256]. Но зададимся вопросом: если наличие понятия «правовая идеология» вполне объяснимо с точки зрения понимания ее как воплощения результатов деятельности правового сознания в институциональные формы знания (в виде правовых актов, правовых теорий, писанных правовых принципов и правил мыследеятельности юристов и т.п.), т.е. в то, что современный автор Ю. Гревцов называет «застывшим, материализованным сознанием» [Гревцов, 1996, 140], то как можно, оставаясь на позициях реализма, опирающегося на формально-логические процедуры анализа, полагать, что правосознание существует в виде правовой психологии?

На наш взгляд, речь должна идти о том, что если правосознание как специфическая форма проявления сознания вообще суть реальность бытия, то правовая психология есть вторичное знание о правовом сознании, т.е. правовая психология есть аспект, составная часть правовой онтологии, на то ведь и понятие «психология» как учение о психике, но не сама психика. Следовательно, верным будет сопоставление понятий

«правовое сознание» и «правовая психика». Но в таком случае понятия должны поменяться местами, ибо правовая психика никогда не может быть «подразделом» правового сознания, скорее – наоборот.

Понимание правового сознания как правовой идеологии, – впрочем, и не только, но и в качестве правовой философии, – т.е. как формы воплощенного общественного знания, вполне объяснимо, ибо это суть воплощенное правовое сознание не класса, народа и т.д., а конкретных носителей правового сознания – теоретиков и законодателей, производителей правовой идеологии в виде знания. Другого правосознания, сродни «объективному духу» Г. Гегеля, в действительности нет. И если признавать, что правосознание суть идеальный феномен бытия, то это значит признавать его не объективную природу, а субъективную, ибо идеальное существует только как субъективное; интерсубъективностью (объективностью) обладает знание, и поэтому оно может быть общественным.

Идеальное бытие – это бытие сознания, а, следовательно, личностное субъективное бытие. Нет никакого общественного правосознания, есть лишь индивидуальное правовое сознание, воплощенное в правовых идеях, законодательстве, правовых принципах, т.е. в таких знаниевых конструкциях, которые суть правовая философия и – если она, эта правовая философия, становится частью практического мировоззрения власть предержащих, элементом воспитания и образования социума – правовая идеология. И именно воплощенное правовое сознание приобретает характеристику общественного феномена, но это уже общественное правовое знание, а не общественное правосознание.

Выдвигаемое нами положение основывается на решении следующей философской проблемы: в чем различие объективности вещей внешнего мира и объективности идей? Вещи существуют действительно объективно, т.е. сами по себе, они суть вещи в себе, и их чувственное восприятие есть отображение их действительной природы. Идеи же, воплощенные в словах, книгах, статуях, ритуалах и т.п., как идеи существуют только в определенном, а не всяком индивидуальном сознании, т.е. в сознании, подготовленном посредством целой системы мер к восприятию этих идей.

Идеи могут быть созданы до вступления индивида в жизнь, вообще существовать до его восприятия, но при этом они существуют только или как идеи чьих-либо сознаний или пребывают в тех или иных вещественных воплощениях – от символических образов до продуктов материальной культуры, которые в таком случае играют роль материальных посредников передачи идей, но в качестве идей они могут существовать вне чьего-либо индивидуального сознания. Свое собственное (идеальное) бытие приобретают только в чьем-либо сознании.

Идеи, будучи независимыми в определенном смысле от индивидуального сознания, не обладают объективным бытием. И в таком случае идеальность духовных аспектов культуры отнюдь не есть ее объективное бытие в собственном значении этого слова, ибо ее бытие – субъективное бытие.

«Идеальность» любого элемента культуры состоит в возможности приобретать особую форму бытия в сознании того или иного человека, и суть этой идеальности (идеального бытия) заключается в непосредственной данности тех или иных идей, мыслей, теорий тому или иному индивидуальному сознанию, поднимающемуся в своем развитии (также на основе культурных воздействий) до адекватного их понимания. Идеальное бытие – это бытие сознания и, следовательно, личностное бытие. В сферу идеального нельзя включать то, что существует за пределами индивидуального сознания, хотя оно и есть его продукт.

Из такого подхода к пониманию идеального следует, что правовое сознание всегда и только всегда есть субъективный психический феномен идеальной природы, представленный как на рассудочном уровне своего проявления, так и на разумном уровне, при этом правовой рассудок и правовой разум следует понимать как разные уровни правовой рациональности. Таким образом, общественного сознания как идеального явления, – а только в таком виде оно реально присутствует в бытии – не существует в природе в такой же мере, как не существует и «правового общественного сознания». Предикатом подлинной объективности обладают лишь продукты индивидуального правового сознания – правовая философия и правовая идеология, и то только как материализованная мысль, идея.

Право как знание есть всегда «живое» право лишь в качестве индивидуального правового сознания, т. е. это право всегда суть правосознание его носителей, идеальное право; право же, как воплощенное знание – есть продукт индивидуального сознания, ставшего в силу известных причин intersубъективным и в этом смысле объективированным знанием, а значит, правовой философией и правовой идеологией, если речь идет о правовой онтологии, и системой общественных отношений и правовых институтов, если речь идет о правовой реальности.

При этом следует иметь в виду, что «живое» право как правосознание – это сложное единство рассудочного и разумного уровней его существования, «тугой сплав» рефлексивного и нерефлексивного знания, наполняющего содержательно правовые аксиологические функции личности. Поэтому в правовом сознании личности мы можем обнаружить правовые аксиологические функции как в форме неустойчивых переживаний, так и жестко ориентированных «твердых» убеждений. В то же время, пройдя сквозь многократное сито «разумных» фильтров правовых концепций, правовая философия и правовая идеология представляют собой единство правовых идей, т. е. всегда есть, в конечном итоге, результат деятельности правового разума – уровня идейного (на уровне идеи) отражения и выражения права. Тогда что же обладает статусом объективной реальности применимо к анализу правовой психики и как оно им обладает?

Полагаем, что действительно «живым» (объективным, intersубъективным) статусом в бытии обладает не правовое сознание – оно всегда, как было сказано, субъективно-личностное, – а так называемый правовой менталитет, т. е. некоторый феномен психики, реально объективированный в бытии. Что это такое – правовой менталитет?

Правовой менталитет в структуре правосознания

В литературе представлены различные точки зрения, рассматривающие сущность и генезис этого феномена психики. Вот лишь некоторые подходы. Так, А. Овчинников полагает, что под правовым менталитетом следует понимать исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национальной общности системы мировоззренческих представлений, оценок и реакций на объекты государственно-правовой действительности. Он, – пишет А. Овчинников, – гармонично дополняет правовую сферу духовного мира общества [Овчинников, 2002, 45]. Или вот такое определение: «Правовой менталитет образует духовно-психологическую основу положительного права, является своего рода культурной парадигмой отражения юридической действительности, где позитивные правовые феномены преломляются через юридическую призму гражданского сознания, духа общества» [Абдурахманова, 2007, 31].

Одни правоведы-теоретики высказывают мнение, что «изучение явления правовой ментальности может рассматриваться в качестве дополнительного направления теории правосознания» (В. Синюков). Другие признают категорию правовой менталитет одной из фундаментальных в теории правосознания, но при этом видят в культурно-историческом и духовном статусе правового менталитета его определенную автономность по отношению к правосознанию (Р. Байниязов). Третьи полагают, что правовой менталитет представляет собой «совокупную характеристику индивидуальных интенций, ценностных ориентаций, смысловых аббераций и типов дискурса в сфере права» (И. Малинова). Четвертые утверждают, что «правовой менталитет включает в себя как нижние этажи общественной и индивидуальной психологии, в которых содержатся потенциалы смыслообразования, так и правосознание, но не в традиционном смысле, а с точки зрения его ориентированности, избирательности, настроенности, тенденциозности, а также культурной специфики» (С. Максимов).

Из приведенных суждений видно, что в понимании правового менталитета единой точки зрения и общепринятого подхода нет. Наличествует лишь убеждение, что правовой менталитет есть, и он существенно воздействует как на отражение правовых реалий психикой, так и на все поведение человека правового.

Так что же такое правовой менталитет, где его «место» в структуре правовой психики – в сознании ли, правовом бессознательном или правовом предсознании? Или его место вообще где-то за «порогом» сознания? Индивидуальный это феномен психики или же это «коллективное», общественное психическое явление?

Думается, что первичной методологической посылкой исследования феномена менталитета может служить понимание структуры сознания и выделение П. Симоновым в целостной психике таких уровней психического, как предсознание и бессознательное. На наш взгляд,

это так, поскольку именно эти суждения П. Симонова дают основание, собственно, размышлять о ментальности как таковой в строго научном направлении исследования.

Применимо же к феномену правового менталитета интересным является подход, предложенный Е. Белкановым, который в своем диссертационном сочинении «Глубинные основы правосознания» обратил внимание на проблемы формирования в правовом сознании таких образований, которые являются «переходными» элементами и включают в себя признаки как сознания, так и бессознательного. К таким образованиям им были прежде всего отнесены «базовый стереотип правосознания» и «пробел право-сознания», в формировании которых «принимают участие» интуиция, «живучесть традиций», архетипы, «психологическая энергия» [14, с. 25]. Именно эти характеристики психического, по мнению автора, и определяют необходимость их изучения для получения знания адекватного реальному процессу правосознания, и введения соответствующей категории – «правовой менталитет».

Р. Байниязов убежден, что без категории «правовой менталитет» исследование глубоких структур правовой психологии и собственно правового сознания практически невозможно. «Нет сомнения, – пишет он, – что «улавливание» сложнорефлексируемых правовых эйдосов требует не только праворационального объяснения, но и интуитивного проникновения в исходные элементы правовой сферы социума. Но здесь же, возникает правомерный вопрос: почему при исследовании права как социокультурного явления мы не можем ограничиться понятием «правовое сознание», ведь оно включает не только правовую идеологию, в которой преобладает рациональное, но и правовую психологию, включающую целый мир психических явлений, в том числе и значительную область бессознательного» [Байниязов, 2001, 31-32].

Автором недавно вышедшей работы «Юридические архетипы в правовой политике России» прямо указывают на наличие «архетипических кодов и схем (матриц) правового мышления», которые, по их мнению, определяют «закономерности эволюции юридического быта нации, формы и модели взаимодействия в системе личность – общество – государство» [Овчинников и др., 2009, 8].

Возвращаясь к поставленному нами исходному вопросу о том, что есть и как возможен правовой менталитет, следует, вероятно, выделить уже имеющиеся в психологическом, историческом и правоведческом знаниях варианты понимания этого феномена, с тем чтобы определить его место в структуре психики вообще, а применимо к нашей области исследования – прояснить вопрос соотношения правового сознания и правового менталитета как двух отличных дополняющих феноменов «Я» в становлении правовой личности. Более того, чтобы понять и принять необходимость и целесообразность введения категории «правовой менталитет» в исследовательский оборот теории и философии права, необходимо выделить и четко зафиксировать его семантику, содержательные границы понятия и эвристические возможности решения не столько, скажем, теоретических проблем, сколько прагматикоинструментальных проблем действующего (позитивного) права.

Как известно, впервые термин «менталитет» в теоретический гуманитарно-культурологический дискурс ввел Р. Эмерсон в 1856 году, обозначив им душу как источник ценностей. Э. Дюркгейм в работе «Германия превыше всего. Немецкий менталитет и война» определил менталитет как «коллективное сознание, совокупность общих верований и чувств, свойственных в среднем членам общества» [Арон, 1993, 318-319]. Э. Кассирер, А. Леви-Брюль, Г. Телленбах рассматривали менталитет как наличие неких принципов мышления и правил умственной деятельности.

Со второй половины XIX века термин «менталитет» становится рабочим понятием у многих известных западных философов, психологов и социологов. Если же коснуться вопроса этимологии понятия, то в большинстве случаев использование его в основных европейских языках расшифровывается как: *mentalite* (фр.) – направление мыслей, умонастроение, мироощущение, мировосприятие; *mentality* (англ.) – умственное развитие, склад ума, умственное интеллектуальное состояние; *die Mentalitat* (нем.) – склад ума, образ мыслей.

Известно, что особое распространение и развитие понятие «менталитет» получило во французской школе «Анналов» в 20–30-е годы XX века. Создателями школы «Анналов», провозгласившими новый подход к пониманию роли и значения исторической науки, были Л. Февр и М. Блок – французские историки прошлого столетия, основатели направления изучения ментальности как средства реконструкции способов поведения людей, дающих общественное миропонимание и мирочувствование, а также представления, ценности и мифы, признаваемые социумом. Основные проблемы менталитета были исследованы в работах Л. Февра, в который он подчеркивал, что привычки и установки, навыки, восприятия и эмоциональная жизнь, т. е. «менталитет», наследуются социумом от прошлых поколений, без четкого осмысления этого, и восходя к бессознательным глубинам психики [Февр, 1991].

Вследствие влияния работ французских историков под менталитетом стали понимать не только сознательную психику, но и коллективное бессознательное, неотрефлексированное в сознании человека. Сведение менталитета к коллективному бессознательному характерно и для ряда исследователей. Так, у Ф. Ариеса находим: «Менталитет – коллективное бессознательное или, лучше сказать, коллективное неосознанное, культурный субстрат, который в определенный момент оказывается общим для социума в целом и не осознается современниками, ибо представляется для них как нечто само собой разумеющееся». Российско-американский социолог П. Сорокин полагал, что каждый тип культуры имеет свою собственную ментальность; собственную систему знаний, философию и мировоззрение, свою религию и, так сказать, «святости»... Менталитет позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознанными «культурными шифрами». Г. Телленбах утверждал, что менталитет представляет собой манеру понимания мира, но не его познания.

И подобного рода интуитивно-дескриптивных определений, возникающих в результате профессиональной предрасположенности авторов к соответствующему определению

объекта исследования, становится все большее и большее количество. Так, И. Пантин, рассуждая в историко-культурологическом контексте, говорит о менталитете как психологической детерминанте поведения людей; А. Огурцов – как о регуляторе бытия-в-мире; И. Кондаков – как о волевом импульсе, накладывающем отпечаток на культурную семантику и социодинамику, Ф. Граус и К. Арнольд – как об «общем тоне» долговременных форм поведения; У. Раульф – как о предрасположенности, внутренней готовности человека действовать определенным образом.

Близким к нашему контексту понимания сознания как ценностно ориентированного и структурированного способа отражения объективной ценностно-смысловой реальности может быть определение менталитета, данное психологом И. Дубовым. Он утверждает, что «менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающихся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях, и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других» [Дубов, 1993, 27-28].

Но зададимся вопросом: где же лежат основания этой «специфики психологической жизни людей», связывающих воедино знания и верования (продукты рассудка и разума) и архетипы коллективного бессознательного в единое целое? Представляется, что верный подход к решению проблемы был в свое время предложен французским исследователем Ж. Дюби, выделившим в структуре менталитета не только историко-культурологический, но и биопсихологический и психофизиологический слой ментальности. К таковым он причислил:

1) «темницы долгого времени» - ментальные структуры, не изменяющиеся со сменой поколений, но способные измениться в результате быстрых, хотя, может быть, и незаметных мутаций;

2) наиболее глубоко залегающий ментальный слой, связанный с биологическими свойствами человека. Он неподвижен, согласно Ж. Дюби, или почти неподвижен, изменяясь вместе с эволюцией самих биологических свойств.

Что это за биологические свойства человека и те ментальные структуры, которые не изменяются со сменой поколений? Как они взаимодействуют с сознанием, каково их воздействие на интеграл «сознательное – бессознательное» в реальном поступке и поведении человека в сфере права? Думается, ответы на эти вопросы, во-первых, могут дать пусть и предварительное, но все же достаточно ясное решение проблемы, что есть и как есть менталитет в качестве психического феномена вообще и элемента «правовой» психики в частности, и, во-вторых, прояснить место и роль менталитета в структуре собственно аксиологической функции индивида, его взаимодействие с содержанием правовых экзистенциалов личности.

Чтобы двигаться дальше в понимании стоящих перед нами проблем, мы вновь вернемся к изложению строения человеческого психического мира. Итак, как было сказано, высшим слоем нашей психики является сознание – это все, что мы знаем в каждый данный момент об окружающем нас мире и о себе, все то, что мы можем представить как наше знание, что мы в состоянии выразить в словах или иных символах, что мы можем чувствовать и знать как свое собственное «Я».

Исчерпывается ли наша психика сознанием? Отнюдь нет. Во-первых, наше сознание по своему содержанию изменчиво от одного момента к другому; то, что в некоторый момент нами осознавалось, в другой момент времени уходит из нашего сознания, и в памяти всплывает, воспринимается что-то другое. Фокус сознания как бы перемещается на каком-то внутреннем пространстве. Для обозначения тех психических элементов (ощущений, мыслей, эмоций), которые в данный момент не осознаются, но могут войти в сознание, П. Симонов вслед за З. Фрейдом ввел термин предсознательное. Каких-либо границ и препятствий между сознанием и предсознанием (предсознательным) не существует, т. е. нет преград переходу восприятий, мыслей, эмоций из сознания в сферу предсознательного и обратно. Во-вторых, была установлена и житейскими наблюдениями, и научными исследованиями, сфера подсознательного или бессознательного. Особенность данной сферы психики состоит в том, что она не дана сознанию, и ее элементы не могут свободно проникать в область сознания без особых психоаналитических процедур. Между сознанием и бессознательным существует некая «цензура» – психологическая функциональная граница, их разделяющая.

Откуда происходит содержание индивидуального бессознательного? Оно представляет собой совокупность трех видов психических образований: а) таких элементов, которые потеряли для индивида свое значение и оказались забытыми для активной памяти; б) мыслей и эмоций, вытесненных из сознания вследствие их несовместимости с нормами нравственности и другими императивами (принципами) поведения и мировосприятия человека; в) восприятий, образов, которые не достигли сознания (субсензорные явления), но все же как-то проникли в психику, пребывая на уровне подсознания.

Наконец, благодаря исследованиям К.-Г. Юнга было выявлено, что аспектом, гранью бессознательного и наиболее глубоким его уровнем является коллективное бессознательное, которое, согласно К.-Г. Юнгу, «является вотчиной возможных представлений, но не индивидуальной, а общечеловеческой и даже общеживотной, и представляющей собой фундамент индивидуальной психики» [Юнг, 1994, 125].

На основании чего мы должны признать наличие этого слоя психики – коллективного бессознательного? Почему и в каком смысле следует рассматривать его как фундамент индивидуальной психики человека? В известном смысле это гипотеза, но гипотеза, имеющая силу очевидности. Предоставим слово самому К.-Г. Юнгу: «Само по себе коллективное бессознательное не существует, на самом деле оно является ничем иным, как возможностью, той самой возможностью, которая передается по наследству с древних времен посредством

определенной формы мнемических образов, или, выражаясь анатомически, через структуры мозга. Нет врожденных представлений, но, наверное, есть врожденная возможность представлений, которая определяет границы даже самой смелой фантазии, определяет, так сказать, категории деятельности фантазии, в известной степени идеи а priori, о существовании которых, однако, невозможно судить без наличия соответствующего опыта» [Там же, 122].

Из данных разъяснений К.-Г. Юнга следует, что так называемое коллективное бессознательное – это особенности нашего мозга по продуцированию психологических доминант, определяющих границы интеллекта человека, его эмоций и фантазий. Такие доминанты в общечеловеческом опыте существуют как некие принципы или доопытные (априорные) неосознаваемые идеи, которые К.-Г. Юнг обозначает термином «архетип». Архетипы, с одной стороны, выражают общие особенности нашего мозга, а с другой – есть резюме опыта доисторического бытия человека.

Термин «коллективное бессознательное» не совсем адекватно выражает сам феномен, обозначаемый этими словами. Точнее было бы сказать, что это есть не что иное, как общечеловеческие особенности неосознаваемой психики, обусловленные общей для всех людей морфологической структурой мозга, как она сложилась в ходе эволюции. Здесь (в сфере коллективных неосознаваемых идей и фантазий) существуют те же самые отношения, что и, скажем, в различных модальностях рецепции (восприятия) внешнего мира. Наша способность видеть, слышать, воспринимать реальность в форме определенных ощущений обусловлена общей для человечества структурой мозга и периферических воспринимающих приборов (глаз, ухо) и той реальностью, которая воспринимается.

Идеи, высказанные К.-Г. Юнгом по поводу коллективного бессознательного, проливают дополнительный свет на структуру психики человека и позволяют глубже понять процессы антропосоциогенеза.

К.-Г. Юнг говорит, что следует различать следующие ступени психического (души – по К.-Г. Юнгу):

«1. Сознание.

2. Личное бессознательное, состоящее прежде всего из всех тех содержаний, которые стали бессознательными либо в силу того, что они потеряли свою интенсивность и потому оказались забытыми, либо же потому, что от них отстранилось сознание (так называемое вытеснение). Кроме того, сюда можно включить те содержания, отчасти перцепции, которые из-за слишком малой интенсивности никогда не достигали сознания и все же каким-то образом проникли в психику.

3. Коллективное бессознательное, являющееся сферой возможных представлений общечеловеческого и даже общебиологического значения, оно есть фундамент индивидуальной психики» [Там же, 125].

Признание коллективного бессознательного в качестве фундамента индивидуальной психики дает основание утверждать, что не только темперамент и иные черты индивида

наследственно обусловлены, но и личность представляет собой результат взаимодействия генетически сложившейся природы индивида и социальных факторов. Подходом к конкретному решению этой проблемы является введенное К.-Г. Юнгом понятие архетипа как некоего неосознаваемого наследственно обусловленного эмоционально-интеллектуального образования. Иначе говоря, архетип оказывается закодированной в структурах мозга способностью создавать определенные образы при встрече с теми или иными жизненно значимыми объектами, ситуациями, отношениями.

Под архетипом К.-Г. Юнг понимает некие символические схемы «коллективного бессознательного», которые извлекаются не из социального взаимодействия познающих субъектов, а из глубин их подсознания. Имеется в виду то, что чем глубже человек опускается в недра своей психики, тем очевиднее на передний план выступают не индивидуальные, а коллективные представления человеческого рода. Коллективное, тем самым, находится внутри человека и его психического опыта. «Говорящий прообразами, – подчеркивает К.-Г. Юнг, – говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавиться от любых опасностей и превозмочь даже самую длинную ночь» [Юнг, 1987, 230].

Архетипы как символические конструкции через интерпретацию дешифруются в различные образные представления, но не тождественны им. Поскольку образные представления архетипов не врожденны, то архетипы свидетельствуют лишь о возможности преформации представлений, т. е. предрасположенности познания к последним, или даже о врожденной способности к таким представлениям. Поэтому, пишет К.-Г. Юнг, «прообраз или архетип есть фигура – будь то демона, человека или события, – повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческое воображение» [Там же, 229]. В силу символичности архетипов они характеризуются неисчерпаемостью смысла, способностью порождать различные образы и их вариации.

Следовательно, во-первых, архетип есть единство психофизиологического и социально-антропологического в человеке; во-вторых, архетип суть феномен психики ценностной (смысловой) природы; в-третьих, «творческое воображение», наследуя архетипическую форму, «повторяющуюся на протяжении истории везде», содержательно изменчиво, подвержено влиянию среды жизнедеятельности и историческим переменам. Иначе говоря, культура как искусственная действительность человека и «реальность второго рода» создает смысловое поле человеческого бытия. И в этом смысловом поле оказывается возможным существование архетипов той или иной деятельности.

Таким образом, речь идет о сквозных символических структурах психики, которые при исторически изменчивом содержании тематически присутствуют на всех фазах истории культуры, как бы связывая будущее с прошлым человека как рода и индивида во всех

ракурсах и аспектах его присутствия в разных экологических, географических и иных пространственно-временных контекстах и в разных видах его социокультурной жизнедеятельности. Это означает лишь то, что такие типы социальной регуляции, как нравственность, мораль и право, суть общечеловеческое достояние как выражение общечеловеческого в психике людей, но всякий раз принимающего специфические формы иновыражения, возникающего в результате социокультурной эволюции человека, которая в свою очередь подвержена влиянию «внешней среды и историческим переменным».

Бессознательный и предсознательный уровни психики локализуют в себе архетипы в качестве таких априорных форм мировидения и мироощущения человека, которые образуют и формируют «структуру общих для всех» элементов и символов бытия. Вероятно, отсюда ценности, общие для всех народов, – жизнь, смерть, дом, семья, близкие, бог, стыд, жалость, добро, зло и т. д. и т. п., но которые в содержании своем, попадая в сферу сознания, понятийно оформляются и понимаются по-разному, инаково.

«Таким образом, – пишет Г. Гачев, – каждому народу и его мыслителям как бы врожденны Бытием определенные идеи - видения, интуиции, схемы, модели, в которых ему свойственно представлять все явления. Если применить термин Канта – «априори»: что нечто предшествует акту познания, – то налицо существует образный априоризм. Он залегает под рассудочным априоризмом (с чем имеет дело Кант в своей «Критике чистого разума») и понуждает выкладки логики так, а не иначе располагаться – подобно тому, как железные опилки в электромагнитном поле разбираются по его силовым линиям. Но это силовое поле – уже сверх или под логикой: оно проистекает из всего бытия данного народа, включая и особый склад природы (материю, вещество), быт, язык, историю (культуру), этнос и характер (психику)» [Гачев, 2008. 42].

Отсюда же, полагаем мы, проистекают общие для всех способы регуляции врожденной «недоброжелательной общительности» на основе архетипа «справедливости воздаяния за содеянное», которые транслируются по каналам нравственности в качестве способа понимания мироустройства и его интерпретации. Именно нравственность как исторически первичный социальный «набор» норм сохранения социальности локализует в себе те архетипы, которые, пройдя рациональную «обработку» сознанием рассудка и разума, превращаются в культурный код сохранения и воспроизводства жизнедеятельности людей, превращаются в право, но это право «свое», «особое», насквозь пронизанное архетипами этноса, народа, культуры, в которых эти социальные общности формируются и складываются в социальные и психические целостности и, «зашифрованные» в традициях, обычаях и ритуалах, ментально сохраняются и передаются из поколения в поколение.

Поскольку нравственность как система норм вбирается в личностное «Я» индивида в неотрефлексированном виде (см. 1.2, 1.3), то, следовательно, нравственность и представляет собой проявление первичного нормосуществования в ментальных структурах психики, в состав которых входят бессознательный (коллективный и индивидуальный аспект) и

предсознательный уровни психического отражения мира. Поэтому под менталитетом будем понимать характерный для определенного сообщества людей особый способ психического «видения» (наличие особенного нормообраза) внешнего мира, порожденного архетипами коллективного и индивидуального бессознательного, а также предсознательной психикой как местом сохранения и нахождения традиционных, т. е. только для данного сообщества индивидов, форм и способов «видения» и интеграции внешнего мира. Этот способ детерминируется врожденными свойствами как коллективного бессознательного, задающего общечеловеческое (похожее для всех) в «особенном видении», так и индивидуального бессознательного, заданного этно-географическими и эко-географическими факторами исторической эволюции данного сообщества людей.

Исходя из вышесказанного можно полагать, что понятие ментальности (менталитета) схватывает реально имеющий место в психике специфический уровень ее организации, структурно в целостной психике человека представляющий собой предсознательный уровень ее существования – подсознание и бессознательное, как на его индивидуальном, так и на «коллективном» уровне проявленности. Думается, что менталитет восходит к фундаментальным архетипам человеческой социальности, образующим смысловое поле воспроизводства человека как рода. Смыслы архетипа всегда суть символы и образы, имеющие как общечеловеческие, так и культурно-исторические основания, образующие как бы исторический био-социальный код трансляции и ретрансляции коллективной памяти, записанной в мифах, преданиях, обычаях, зафиксировавших способы и правила (нормы) организации жизнедеятельности человека как рода и как индивида. Поэтому менталитет всегда врожденное, передаваемое из поколения в поколение, инаковое, чем у других сообществ людей, «видение» общечеловеческого в общем для всех мироустроении.

Что же касается феномена правового менталитета, то, видимо, следует полагать, что это понятие описывает и схватывает особенности проявления правового сознания, образуемые в результате воздействия ментальных структур психики как лока первичной социальности нормативности (нравственность) на рационально-понятийные формы существования права, в которых, собственно, только оно (право) и возможно. В этой связи нельзя не согласиться с суждением, что для «восточного православного правосознания свойственно соединение в понятии «правда» юридических и нравственных характеристик, ибо «правда» «закона русского» была не только «правом карать и миловать», но и высшей справедливостью» [Золотухина, 1999, 5].

Можно ли говорить об архетипах правового? Если да, то какие символические формы обретают эти архетипы в изменчивом содержании культуры и в индивидуальной «правовой психике» человека? «Конечно, достаточно сложно описать с помощью существующей юридической терминологии, – пишет А. Овчинников и его соавторы по монографии, – бессознательные структуры, ячейками которых и является архетип. Тем не менее, интерпретируя категориальный аппарат аналитической психологии К.-Г. Юнга, можно в контексте

юридической теории отметить, что коллективное бессознательное отражает наследуемые и неосознаваемые правовые условности, психомотивационные структуры и акты, правовые образы, символы и правокультурные коды, которые аккумулируют и сохраняют психологический и эмоциональный опыт предшествующих поколений» [Юнг, 1993, 27-28]. К числу таких правовых архетипов, определяющих национальную специфику становления правовой культуры России, авторы относят архетип «порядка», с присущим ему ментальным содержанием, архетип «центра», архетип «царствования» и архетип «символической личности» [Овчинников и др., 2009, 179-193].

Исходя из всего вышеуказанного, полагаем, что понятие «правовой менталитет» описывает функциональное состояние целостного сознания по отношению к феноменам права, где в едином тотальном интенциональном акте слиты «правосознание» как понятийно-рефлексивный уровень отражения правового, так и бессознательное и предсознательное. Поэтому идеи как содержание правового сознания, а именно идеи свободы, справедливости, равенства, всегда коррелируют с архетипами свободы, равенства и справедливости в бессознательной и предсознательной форме, которые представлены в ментальной психике человека правового как некие символы, порожденные долгой историко-социальной эволюцией некоторого сообщества людей, создавших свой социальный, языковой, культурный и психосоциальный ареал существования в бытии. А это, применимо к нашему пониманию природы и сущности личности как аксиологического уровня организации человека социального и личности правовой как особого ценностного феномена правового бытия, означает, что ценностная структура личности «погружена» в свою конфигурацию архетипического существования этих самых ценностей на бессознательном и предсознательном уровнях их проявленности.

Напомним, что в своей психологической теории права Л. Петражицкий как раз указывал на существование неких первоначальных и фундаментальных «эмоциональных актов, являющихся основой всего, что определяется как право». При этом Л. Петражицкий настаивал на императивно-атрибутивной природе этих «правовых эмоций», которые, собственно говоря, как полагал философ, формируют «чувства правового сознания, делающего право «живым» [Жоль, 2000, 390]. В этом плане обоснованным является и суждение современного автора А. Мордовцева о том, что системой базовых ценностей и моделей социального взаимодействия, сложившихся и действующих в обществе, овладевают, как правило, уже в достаточно раннем возрасте, поэтому у многих индивидов данная система фиксируется на подсознательном уровне [Там же].

Какие эвристические теоретические и прагматические выводы можно сделать для ценностно-персоналогической концепции личности, опираясь на идею и учение о менталитете вообще и правовом менталитете в частности?

Во-первых, феномены правового сознания и правового менталитета (ментальности) следует рассматривать как диалектически взаимосвязанные явления, поскольку по сравнению с понятием правового сознания, фиксирующим понятийно-рациональный индивидуально-личностный

уровень психического отражения права, понятие правового менталитета отражает глубинный пласт объективно складывающейся общественной психики. Правовой менталитет – это своего рода совокупность сформировавшихся и из поколения в поколение передающихся по каналам нерелексивной психики психологических установок воспринимать, чувствовать, мыслить, действовать определенным способом. Сущность менталитета раскрывается в диалектике объективной природной трансгрессивности, «недоброжелательной общительности» и социальности людей как объективной необходимости жить в единстве друг с другом. Следовательно, именно правовой менталитет придает реальную, «живую» форму правовому сознанию, посредством погружения и включения его понятийно-рефлексивного знаниевого содержания в поток неотрелексивированного правового «чувствования» (Л. Петражицкий).

Во-вторых, только с включением содержания феномена «правовой менталитет» в контекст правовой психологии и правовой деятельности можно понять, почему идеи права воспринимаются «другими» в искаженном виде либо вовсе не адаптируются к культуре того или иного народа, заимствовавшего правовую идеологию и правовую философию извне. В этой связи вполне резонным звучит суждение известного украинского исследователя Ю. Оборотова, который указывает, что «попытки приобщить Украину к западному опыту, используя догоняющую модель модернизации, изначально обречены на неуспех в силу антииндивидуалистской направленности нашего социального развития, сложившегося менталитета, традиций, ценностей и нормативов, определивших специфическое отношение к праву, его роли в жизни личности и общества». «Эти самобытные черты в развитии права и государства на Руси, – продолжает Ю. Оборотов были отмечены еще видным философом и юристом Н. Алексеевым, который писал: «На твердости быта, проникнутого началами православной религии, а не на нормах римского права, как это было на Западе, покоилось все русское государство». При этом поиски своего государства правды получили выражение в специфических народных воззрениях на политический мир, связанных с такими идеалами, как православная правовая монархия, диктатура, казацкая вольница, сектантское понимание государства» [Оборотов, 2002, 158].

В-третьих, феномен правового менталитета позволяет понять «связь времен» и соединить в одно духовное целое, казалось бы, предельно разные, и в рациональном виде выраженные, политически и идеологически разрозненные и противостоящие друг другу контексты права (например, советское и имперское право России, восходящие к одним и тем же ментальным особенностям (правовым архетипам) народа, населявшего православный ареал этой страны, скажем, в XIX и XX веках).

В-четвертых, феномен правового менталитета позволяет во многом ответить на вопрос о наличии некоей «презюмции непонимания», образующей, на наш взгляд, тот самый «базовый стереотип правосознания» и «пробел правосознания», о котором писал Е. Белканов, а также объяснить необходимость «дополнительной интерпретации» собственно идей права, доведения их содержания до ментальных особенностей психического их отражения. Более того, анализ правового менталитета позволяет точнее «читать» логику вхождения индивида

данной социокультурной общности в позитивное право, т. е. в собственно юриспруденцию, согласно сложившемуся исторически социокоду жизнеорганизации и мировосприятия этим индивидом реальности.

В-пятых, методологическая и инструментальная значимость категории «правовой менталитет» определяется еще и тем, что она позволяет расширить проблему исследования правовой психологии и не сосредотачивать ее лишь в границах изучения феномена правового сознания, позволяя тем самым вовлечь в исследование правового бытия те его стороны, которые, по крайней мере, до конца прошедшего столетия, либо вообще не интересовали, либо мало интересовали отечественных теоретиков права.

И, наконец, понятие правового менталитета связывает воедино в аксиологическом «я» личности ценностное содержание правового сознания индивида и ценностное содержание психики архетипического характера. Именно их соотнесение позволяет исследователю-персонологу в сфере правознания более адекватно судить по поведению человека об отношении его к фундаментальным экзистенциальным ценностям, опосредованным феноменами принуждения, подчинения, признания и призвания, т. е. к собственно ценностям права.

Так, например, иллюстрируя ментальные различия, К.-Г. Юнг продемонстрировал, что для немцев характерна законопослушность, которая прежде всего проявляется в подчиненности [Юнг, 1998, 41-49]. Данное обстоятельство определяет в качестве доминирующей функции мыслительную, предполагающую построение модели мира, основной несущей конструкцией которого является *Ordnung* (порядок).

Наблюдения польского философа А. Кемпински относительно того, что немцы, участвовавшие в уничтожении узников концлагерей и попавшие в руки правосудия, не страдали, как правило, чувством вины, а испытывали скорее чувство обиды, так как полагали, что понесли кару за исполнение долга [Кемпински, 1995, 13], подтверждают мысль, высказанную К.-Г. Юнгом. Безусловно, это пример отрицательного проявления ментальных особенностей психики, но в иных обстоятельствах они могут проявить себя максимально с положительной стороны, в частности в условиях социума, когда порядок как правопорядок является объективно первостепенной социальной ценностью в системе конкретно-исторических и личностных ценностей индивида по сохранению и воспроизводству социального бытия.

Заключение

Взаимодействие между философией и идеологией права, правовым менталитетом (в качестве характеристики общественной психологии) и правовым сознанием (как характеристикой индивидуально-личностной психики человека) представляет несомненную важность с точки зрения организации и формирования процесса становления человека правового в качестве правовой личности. Учет всех этих факторов реально позволяет вычислить доминирующие на каждом из этапов личностного становления социализации и персонализации

(семья, школа, «учитель», малая неформальная социальная группа и т. д.), с присущими только им способами приобщения индивида к общественным ценностям, а также способами формирования и иерархизации ценностей личностных.

Собственно, так создается и структурируется среда легитимации (или же нелегитимации) права в аспекте содержания его абсолютных ценностей (свобода, справедливость, равенство), так и в целом власти, пекущейся о придании своей легальности этой (легитимация) характеристики. В противном случае созданная или заимствованная правовая философия и правовая идеология, воплощенные в действующее инструментальное право, останутся «не поняты», будут восприниматься как чужеродные для нравственности и морали данного сообщества людей акты законотворчества и законоприменения. Поэтому только в единстве правового сознания как знаниевой конструкции права, его понятийно-категориальной формы субъективации и объективации в виде идей, и правового менталитета как тех фундаментальных оснований правового в виде нравственных и моральных норм, выраженных в эмоционально-чувственной, образной форме переживания, можно построить систему формирования правовой личности как носителя идеи права и подлинного творца здания правопорядка.

Библиография

1. Абдурахманова А.И. Теоретико-методологические проблемы правосознания в современной юридической литературе // Философия права. 2007. № 3 (23). С. 29-32.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993. 608 с.
3. Байниязов Р.С. Философия правосознания: постановка проблемы // Правоведение. 2001. № 5. С. 12-23.
4. Белканов Е.А. Структура и функции правосознания: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1996. С. 3-26.
5. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция. 2000. 528 с.
6. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008. 544 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
8. Гребеньков Г.В. Человек в правовом бытии. Введение в правовую персонологию. Донецк: ДЮИ. 2013. 540 с.
9. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб: Знание, 1996. 263 с.
10. Гроф С. Трансперсональные опыты // Человек. 1991. № 5. С. 54-62.
11. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20-29.
12. Жоль К. Философия и социология права. Киев: Юринком Интер, 2000. 480 с.
13. Золотухина Н.М., Скрипилев Е.А. Антология мировой правовой мысли. М.: Мысль, 1999. 201 с.

14. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М.: Юрист, 1995. 479 с.
15. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. 328 с.
16. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Наука, 1990. 215 с.
17. Мамычев А.В., Манастырский М.Е. Тюрин. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009. 320 с.
18. Михина Е.М. (ред.) Инструкция ментальностей. Историческая антропология. М.: РГГУ, 1996. 255 с.
19. Молчанов В.И. Введение в феноменологическую философию. М.: Наука, 1998. 321 с.
20. Мордовцев А.Ю. Национальный правовой менталитет. Введение в проблему. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. 200 с.
21. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. М.: Раритет. 1995.
22. Оборотов Ю.Н. Традиції та оновлення у правовій сфері: питання теорії. Одеса: Юрид. літ., 2002. 280 с.
23. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырский А.В. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009. 320 с.
24. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. 288 с.
25. Овчинников А.И., Февр А.Ю. Юридические архетипы в правовой политике России. М.: Наука, 1991. 529 с.
26. Розин В.М. Юридическое мышление (формирование, социокультурный контекст, перспективы развития). Алматы: ВШП «Адилет», 2000. С. 260-291.
27. Юнг К.-Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы. М.: МГУ, 1987. 511 с.
28. Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс-Универс, 1994. 336 с.
29. Юнг К.-Г. Проблемы души современного мира. М.: Прогресс-Универс, 1993. 206 с.
30. Юнг К.-Г. Тэвистокские лекции: аналитическая психология: ее теория и практика. Киев: Ваклер, 1998. 295 с.

Legal consciousness: concept, structure, phenomenology

Gennadii V. Greben'kov

Doctor of Philosophy, Professor, Prorector,
Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of DPR,
283054, 13, Zasyad'ko av., Donetsk,
e-mail: nauka_davd@mail.ru

Anatolii A. Popov

Rector,

Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of DPR,
283054, 13, Zasyad'ko av., Donetsk,
e-mail: nauka_davd@mail.ru

Abstract

The article touches the problems of essence, nature, structure, understanding and reflection in the knowledge structures of the law of the phenomenon of legal consciousness; its methodological and heuristic role in the development of the modern theory of legal understanding and law enforcement are still considered to be the subject of acute discourse. The authors' interpretation of the phenomenon of sense of justice, legal reason, legal reason, and legal mentality is offered in the context of other problems, legal psychology and legal ideology. The methodological premise of our own reflections on legal consciousness will be the multi-level concept of P. Simonov's consciousness and our understanding of legal consciousness as a function of a single, integral and undivided phenomenon of the psyche whose content is terminologically designated as the consciousness of legal phenomena. And we are not talking about the existence of a certain substrate principle, which generates a certain kind of consciousness, which, strictly speaking, is impossible, but only about the intentional characterization (orientation) of consciousness on the subject, in our case, the law, and the specifics of reflection by the consciousness of legal existence in A kind of mental phenomena of value nature. Legal consciousness (sense of justice) is the same abstraction and metaphor as economic consciousness or, say, new political thinking.

For citation

Greben'kov G.V., Popov A.A. (2017) Pravovoe soznanie: ponyatie, struktura, fenomenologiya [Legal consciousness: concept, structure, phenomenology]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (3A), pp. 7-32.

Keywords

Legal consciousness, legal mentality, legal reason, methodology of legal understanding, phenomenology of legal consciousness.

References

1. Abdurakhmanova A.I. (2007) Teoretiko-metodologicheskie problemy pravosoznaniya v sovremennoi yuridicheskoi literature [Teoretiko-methodological problems of legal consciousness in the modern legal literature]. *Filosofiya prava* [Philosophy of law], 3 (23), pp. 29-32.

2. Aron R. (1993) *Etapy razvitiya sotsiologicheskoi mysli* [Stages of development of sociological thought]. Moscow: Progress Publ.
3. Bainiyazov R.S. (2001) *Filosofiya pravosoznaniya: postanovka problemy* [Philosophy of sense of justice: statement of the problem]. *Pravovedenie* [Law], 5, pp. 12-23.
4. Belkanov E.A. (1996) *Struktura i funktsii pravosoznaniya. Doct. Dis.* [Structure and functions of sense of justice. Doct. Dis.] Ekaterinburg.
5. Dubov I.G. (1993) *Fenomen mentaliteta: psikhologicheskii analiz* [Phenomenon of mentality: psychological analysis]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 5, pp. 20-29.
6. Gachev G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world]. Moscow: Algoritm: Eksmo.
7. Greben'kov G.V. (2013) *Chelovek v pravovom bytii. Vvedenie v pravovuyu personologiyu* [Man in legal existence. Introduction to legal personology]. Donetsk.
8. Grevtsov Yu.I. (1996) *Ocherki teorii i sotsiologii prava* [Essays on the theory and sociology of law]. St. Petersburg: Znanie Publ.
9. Grof S. (1991) *Transpersonal'nye opyty* [Transpersonal experiments]. *Chelovek* [Human], 5, pp. 54-62.
10. Hegel G.V.F. (1974) *Nauka logiki* [The science of logic]. Moscow: Mysl Publ.
11. Jung K.-G. (1987) *Ob otnoshenii analiticheskoi psikhologii k poetiko-khudozhestvennomu tvorchestvu* [On the relationship of analytical psychology to poetic and artistic creativity]. In: *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury* [Foreign aesthetics and theory of literature]. Moscow.
12. Jung K.-G. (1994) *Problemy dushi nashego vremeni* [The problems of the soul of our time]. Moscow: Progress-Univers Publ.
13. Jung K.-G. (1993) *Problemy dushi sovremennogo mira* [The problems of the soul of the modern world]. Moscow: Progress-Univers Publ.
14. Jung K.-G. (1998) *Tevistokskie lektzii: analiticheskaya psikhologiya: ee teoriya i praktika* [Tavistock lectures: analytical psychology: its theory and practice]. Kiev: Vakler.
15. Kempinski A. (1995) *Ekzistentsial'naya psikhatriya* [Existential psychiatry]. Moscow: Yurist Publ.
16. Maksimov S.I. (2002) *Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya* [Legal reality: the experience of philosophical reflection]. Kharkov: Pravo Publ.
17. Mamardashvili M.K. (1990) *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I understand philosophy]. Moscow: Nauka Publ.
18. Mamychev A.V., Manastyrskii M.E. (2009) *Tyurin*. Rostov-on-Don.
19. Mikhina E.M. (ed.) (1996) *Instruktsiya mental'nostei. Istoricheskaya antropologiya* [Instruction of mentalities. Historical anthropology]. Moscow.
20. Molchanov V.I. (1998) *Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [Introduction to phenomenological philosophy]. Moscow: Nauka Publ.

21. Mordovtsev A.Yu. (2002) *Natsional'nyi pravovoi mentalitet. Vvedenie v problemu* [National legal mentality. Introduction to the problem]. Rostov-on-Don.
22. Novgorodtsev P.I. (1995) *O svoeobraznykh elementakh russkoi filosofii prava* [On the peculiar elements of Russian philosophy of law]. Moscow: Raritet Publ.
23. Oborotov Yu.N. (2002) *Traditsii ta onovlennyya u pravovii sferi: pitannyya teorii* [Tradition is that it is in the legal sphere: the nutritional theory]. Odessa.
24. Ovchinnikov A.I., Mamychyev A.Yu., Manastyrskii A.V. (2009) *Yuridicheskie arkhetipy v pravovoi politike Rossii* [Legal archetypes in the legal policy of Russia]. Rostov-on-Don.
25. Ovchinnikov A.I. (2002) *Pravovoe myshlenie v germeneyticheskoi paradigmat* [Legal thinking in the hermeneutic paradigm]. Rostov-on-Don.
26. Ovchinnikov A.I., Fevr A.Yu. (1991) *Yuridicheskie arkhetipy v pravovoi politike Rossii* [Legal archetypes in the legal policy of Russia]. Moscow: Nauka.
27. Rozin V.M. (2000) *Yuridicheskoe myshlenie (formirovaniye, sotsiokul'turnyy kontekst, perspektivy razvitiya)* [Legal thinking (formation, socio-cultural context, development prospects)]. Almaty.
28. Vengerov A.B. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.
29. Zhol' K. (2000) *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and sociology of law]. Kiev: Yurinkom Inter Publ.
30. Zolotukhina N.M., Skripilev E.A. (1999) *Antologiya mirovoi pravovoi mysli* [Anthology of world legal thought]. Moscow: Mysl Publ.